

Анатолий Агарков

Искушение

*Господи, не знаю
чего мне просить
у Тебя
(свят. Филарет)*

Анатолий Агарков

Искушение

«Издательские решения»

Агарков А.

Искушение / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904789-2

Все соблазны от лукавого. Успешного бизнесмена Владимира Ильича пытаются уничтожить конкуренты. Его похищают в темном дворе и отвозят на пустырь. В бессознательном состоянии оставляют на съедение бродячим собакам. И те набрасываются на него. Благой свет с небес спасает обреченного. Год спустя на месте счастливого избавления от смерти Владимир Ильич возводит церковь на собственные средства, раздает милостыню страждущим.

ISBN 978-5-44-904789-2

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

Искушение	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Искушение

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-4789-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Искушение (киносценарий)

*Господи, не знаю чего мне просить у Тебя
(свят. Филарет)*

Город Ю-ск.

Внутренний двор городского квартала. Зимний вечер. У подъездов уснули авто, закрытые, поставленные на сигнализацию. За стёклами чёрного джипа огоньки сигарет. Трое его пассажиров и водитель сидят молча. Огоньки сигарет во время затяжек освещают угрюмые сосредоточенные лица. Все они обращены к окнам цокольного этажа ближайшего дома. Оттуда льётся свет и доносится едва уловимый гул работающих станков. Через зарешёченные окна камера оператора легко проникает внутрь просторного помещения. Крутятся тестомесы. На столах рассыпана мука. Её мешки складированы штабелем на поддоне у стены. Картонные коробки возле столов полны яичной скорлупы. Люди в белых одеждах снуют в помещении, совершая круг привычных забот. За ними наблюдают двое: один в белой униформе, безлик, другой в роскошном чёрном пальто, круглолиц, голубоглаз, гладко выбрит. Слышны голоса.

Первый:

– Батюшка будет завтра в семь?

Второй:

– Да, ровно в семь. Я сам привезу его.

Первый:

– А в восемь наш освящённый хлебушек встретит горожан на прилавках магазинов.

Второй:

– И сказал Господь: «... ибо тело моё есть хлеб насущный».

Первый:

– Святой вы человек, Владимир Ильич, истинно верующий.

Второй:

– Не лебези – не люблю. Один Спаситель наш достоин похвалы и почитания.

Первый:

– Воистину, воистину.

Прощаются. Человек в чёрном пальто выходит в дверь.

Из двери, ведущей в цокольный этаж, выходит человек в чёрном пальто и направляется к стоящему неподалёку «BMW». В чёрном джипе гаснут огоньки сигарет. Разом распахиваются четыре двери. Тёмные силуэты бесшумно пересекают пространство отделяющее их от «BMW». Человек в чёрном пальто склоняет голову, вставляя ключ в замок двери своего авто. За его спиной нарастает шум приближающихся шагов. Человек пытается оглянуться. Слышится звук удара. Сдавленный стон. Человек в чёрном пальто падает. Утопанный под ногами снег летит ему в лицо. Объектив камеры душой покинувшей тело устремляется в звёздное небо.

Звёздное небо. Камера возвращается на землю. Пустырь за городом. На снегу распротёрто тело человека в чёрном пальто. Четыре тёмных силуэта, гулко скрипя снегом, маячат подле. Первый характерным звуком собрал всю мокроту своей носоглотки, наклонился, плюнул в лицо лежащему.

Первый:

– Тьфу, собака!

Второй, задрав куртку, пытается расстегнуть штаны. Отходит в сторону.

Первый:

– Куда ты?

Второй:

– Побрызгать.

Первый:

– Так вот он – писсуар. Ну-ка, ребятаки.

Три струи бьют в грудь лежащего человека, окропляют лицо.

В лоб ему упирается длинный ствол пистолета с глушителем.

Третий:

– Кончаем, шеф?

Второй (из темноты):

– Пошли вон! Брысь! Вот я вас.

Слышен ляг передёргиваемого затвора пистолета.

Первый:

– Что там у тебя?

Второй:

– Собаки, дикие какие-то Кыш! Шас перестреляю.

Первый:

– Не вздумай палить. Дикие, говоришь? Поехали, ребята!

Третий:

– А с этим?

Первый:

– Псы подметут.

Слышен скрип снега удаляющихся шагов.

Распростёртое на снегу тело. В объективе показывается отвратительная, похожая на гиену, собачья голова. Она принохивается и, теряя с клыков слюну, шаг за шагом, осторожно подбирается к человеку, лежащему на снегу. Вот её пасть в сантиметре от неподвижного лица. Вздыбленная шерсть её трясущегося тела закрывает от зрителя тело несчастного. Камера избирает другую позицию – она круто взмывает вверх и с высоты десяти метров фиксирует разыгравшуюся трагедию. Вокруг неподвижного тела, чернеющего на снегу, собралось десятка два бродячих псов. Через мгновение, словно по команде, они бросаются на несчастного. Место, где лежал человек, превращается в одно тёмное пульсирующее пятно. Слышны рычание и визг дерущихся собак.

В морозном воздухе, будто от искорки-звезды, родился тонкий лучик. Вот он пронзил чёрное небо. Упёрся в земную поверхность. Попрыгал на снеговых барханах. Достиг пирующих собак. Замер. И начал расти в объёме. Вот он превращается в столб прожектора. От него по окрестности разливается зелёно-матовый свет. Камера сверху приближает к скопищу собак. Ближе, ближе.... Псы, поджав хвосты, с визгом разбегаются прочь. Камера, скользя по одежде, в ремки изодранной, открывает лицо несчастного человека. Одна щека разорвана собачьим укусом и кровоточит. Рука сгибается в локте – человек пытается прикрыть ладонью рваную рану. У него не хватает двух средних пальцев. Их остатки на ладони кровоточат. Раздаётся слабый стон.

То же место год спустя. На пустыре красуется рубленая в венец церковь. Медово желтеют деревянные стены. Сусальным золотом сверкают на солнце многочисленные маковки,

увенчанные крестами. Изящная колокольня. Широкий двор. За двором толпятся авто. От них и мимо них идут люди. Пересекают двор. Крестятся и кланяются у высокого крыльца. Поднявшись по ступеням, крестятся и кланяются у входа в церковь. Проходят. Чуть в сторонке от крыльца наблюдают эту картину двое. Один в чёрной до пят сутане. Массивный серебряный крест с цепью на груди. Золотой крестик на клобуке. Второй с ликом святого – ярко-чёрная борода на круглом лице и пронзительной голубизны глаза – одет в роскошное чёрное пальто. На голове папаха, как клобук священника. Неспешно переговариваются.

Батюшка:

– Вот вам и часовенка на пустыре, Владимир Ильич. Идёт народ. С каждым днём всё большим числом. Пора в епархии ставить вопрос об организации прихода.

Владимир Ильич:

– Да-а. Кто мог бы подумать?

Батюшка:

– Уверовал народ в Божью благодать, и ваше чудесное спасение тому подтверждение.

Владимир Ильич:

– Да уж, воистину чудо.

Он выставил перед собой облачённую в перчатку ладонь, пошевелил пальцами. Два средних были пусты и остались недвижны.

Один из прихожан, наложив троеперстием крестное знамение и отвесив поклон Божьему храму, не взошёл на крыльцо, а миновал его. Направил стопы свои к священнику и его собеседнику. Был он хром и узок лицом. Длинные его руки болтались не в такт шагов. Тонкие губы большого рта плохо скрывали редкие лошадиные зубы, которых владелец их стеснялся и потому, улыбаясь, прикрывал узкой ладонью низ лица.

– Петраков, – представился он, склонив голову в сторону батюшки, и попытался щёлкнуть каблуками, оборотившись к его собеседнику.

Батюшка, ответив на поклон:

– Пора службу начинать.

Он удалился.

Петраков:

– Владимир Ильич, одну минуточку. Имею до вас конфиденциальный разговор. Важности абсолютной.

Владимир Ильич:

– К сожалению, выбрали не самый подходящий момент для серьёзных разговоров. Извините.

Собирается уйти.

Петраков:

– Владимир Ильич. Вы на службу? А потом будете принимать страждущих? И раздавать подарки?

Владимир Ильич удивлённо, останавливаясь:

– Кто вам сказал?

Петраков:

– Нетрудно догадаться. Сегодня годовщина вашего чудесного возвращения с того света. И народ валит – более с верой в вашу щедрость, чем в спасение души.

Владимир Ильич, нахмурившись:

– Не богохульствуйте. Не люблю.

Удаляется.

Петраков ему в спину:

– Я встану в очередь за вашими милостями.

В церкви Владимир Ильич прислуживает батюшке. Отдельно от молящихся, вдоль стены стоит женщина и шестеро ребятишек-погодков. Это семейство Владимира Ильича. Проповедь заканчивается молитвой.

Батюшка:

– Отныне, присно и во веки веков, аминь!

Зал:

– Аминь.

Батюшка обходит с кадиллом молящихся. Они истово крестятся и кланяются. Батюшка возвращается к алтарю. Берёт в руки серебряный крест. Владимир Ильич с дароносицей становится рядом и чуть сзади. Молящиеся по одному подходят к батюшке, целуют крест, получают благословение и кладут на поднос в руках Владимира Ильича дары – деньги разного достоинства: от монет до мятых купюр. После этого солидные прихожане покидают своды церкви. Остаются люди попроще. Они толпятся в центре молельного зала – по одному в очерёдности подходят к столику и присаживаются на табурет. Стол установлен в углу зала, возле двери, ведущей в подсобное помещение. За ним заседает Владимир Ильич. За его спиной вдоль стены всё то же шеренгой стоит его семейство. У жены в руках дипломат. По знаку мужа женщина подходит к столу, склонившись, открывает дипломат. Владимир Ильич достаёт из него стопку денежных купюр, отсчитывает нужную сумму и кладёт перед просителем. Жена с поклоном закрывает дипломат и возвращается на своё место у стены. Деньги исчезают в карманах страждущих. Процесс идёт неторопливо. Маются ждущие своей очереди. Уходят осчастливленные. Очередной проситель, путаясь в слезах и словах, начинает свой рассказ. Петраков терпеливо ждёт и подходит последним. Некоторое время они молча созерцают друг друга.

Владимир Ильич:

– Ну?

Петраков:

– Вам не придётся открывать свой дипломат, Владимир Ильич. Потому что, если вы внимаете моей просьбе, деньги вам понадобятся более, чем мне. Потому, что пойдут они на благое дело. А, как известно, рука дающего не должна скудеть.

Владимир Ильич:

– Чего вы хотите?

Петраков:

– Я пришёл просить за весь город. За город, который стонет и изнывает от произвола чиновников, от жадности буржуйского сословия, от разгула преступности, которую превратили в бизнес и греют на ней руки люди, поставленные законом оберегать наши покой и благоденствие. Владимир Ильич, вы дали несчастным деньги и успокоили свою совесть? Не верю. Вы умный человек, и сами понимаете, что половина их банально пропьёт. У другой половины их выманят корыстные чиновники, бесчестные родственники. Никому не будет пользы от вашей подачки. Люди унесут от вас вашу доброту, частичку вашего сердца. Этого достаточно для укрепления веры и духа, но так мало, чтобы пятнышек жира плавающих в пустой похлёбке стало чуть больше.

Владимир Ильич:

– Что же вы от меня хотите?

Петраков:

– Владимир Ильич, вы – добрый человек. И доброта ваша не показушная, не пиарная, если хотите. Потому что вы ничего не ищите себе взамен. И народ это знает. И за это народ вас любит.

Владимир Ильич:

– Так что вы от меня хотите – в толк не возьму.

Петраков:

– Неужто? Неужто вам никогда и в голову не приходило раз и навсегда избавить этих людей от страданий. Накормить голодных, обогреть сирых, утолить страждущих.

Владимир Ильич:

– Это. . . . Это скорее задача Всевышнего. Мы делаем добрые дела в меру наших скромных возможностей.

Петраков:

– А никто и не пытается вменить вам обязанности Господа нашего. Станьте его представителем в городе. Возьмите власть в свои руки – обуздайте чиновников, усмирите преступников, устыдите буржуев. Встаньте на защиту простого народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.